

Мальчик с юмором

Жванецкий — это целая страна, колосс, и совсем даже не на глиняных ногах.

Про него говорят просто — гений. Сам Михал Михалыч на подобное обращение только ухмыляется.

Хотя в душе... Кто же знает, что у него там в душе и что он думает про себя, про всех нас и про нашу непонятную, необъятную родину.

— Михаил Михайлович, скажите, у вас есть преемник?

— Если бы были выборы человека на мою должность, я бы, конечно же, задумался, кого порекомендовать. Нет, наверное, преемника я не оставлю. Но из молодых я уважаю Евгения Шестакова. Вообще, мне кажется, пишут некоторые очень неплохо. Вернее, некоторые из некоторых. А то, что звучит на эстраде...

— Это не к вам?

— Нет, не ко мне. Это формируется другим составом окружающей среды. Все резко опустилось: артист, чтобы догнать публику, опускается, потом публика, чтобы догнать артиста, опускается еще ниже. И они так, обнявшись все вместе, опускаются на дно, где уже кто-то их ждет.

— Ну а вы над этим всем парите?

— Нет, я не над этим. Я так смешно не могу писать, а они сейчас действительно пишут смешно. Туда добавляется еще и исполнение.

— И вы, сидя у телевизора, смотрите “Кривое зеркало” и хохочете навзрыд?

— Я просто отмечаю хорошее исполнение. К тому же у меня еще примешивается зависть, потому что они молодые. Мне все время кажется: вот они смешат так, как ты уже не можешь. И это грызет мою душу. Они ведь могут еще и загримироваться. Они толстенькие, у них волосы в разные стороны торчат, они клоуны. Там жанры разные. И девушки такие, как Воробей. Они мне говорят: “Михал Михалыч, простите наши глупости”. Ну, значит, понимают. Я думаю, если понимают — может, им надо прощать и не судить их строго. Ведь кто-то выйдет из этого поколения и поднимется чуть выше. И тогда уже публика поднимется за ним.

— Вы оптимист. Скорее всего, будет по-другому: все опустятся на самое дно, а оттуда еще постучат.

— Да, точно. Когда опустишься, там всегда кто-то обязательно есть. Но это происходит в таком дружном согласии. Сегодня я прочел крик души от Аркадия Инина: верните советскую власть, не могу больше от этой желтизны! Пусть там был железный занавес КПСС, но все-таки чувство человеческого достоинства, все-таки безопасность, все-таки художественная ценность. И цензуру верните художественную. В чем-то я с ним согласен.

— Да ладно! Инин так говорит потому, что он не очень вписался в это время. А вы вписались.

— Вот недавно я был в Томске, в Сибири. И ко мне подходили очень воспитанные люди и все как один говорили: “Моя мама вас обожает”. Только один человек сказал, что меня обожает его бабушка.

— Когда мастера смехотворного жанра говорят вам: “Извините нас за наши глупости”, они лукавят. Ведь эти глупости сейчас стоят очень дорого. Наверное, даже дороже, чем ваши умности.

— Конечно, дороже. Но сейчас артисты в основном зарабатывают на всяких вечеринках. Там собираются те люди, которые в стрессовой ситуации заработали синдром Менеджера. Такому человеку уже тяжело встречаться с любимой женщиной, и он требует абсолютного релакса, абсолютной раскованности и распушенности. И он это получает. Такое впечатление, что ноги говорят все эти вещи.

— Но повыше ног тоже есть очень важное место у человека, на котором многие сидят, но некоторые еще этим местом думают.

— К сожалению, олигархи поддерживают все это искусство. И с удовольствием приглашают артистов. Даже чиновники чуть-чуть умнее олигархов. Они хотя бы могут выдерживать хоровое пение. И произнесение хором стихов и шуток. А потом подходят ко мне и говорят шепотом: “Эх, Михалыч, если бы вы увидели мою библиотеку, вы бы со мной так не разговаривали”. И я понимаю, что чиновник — это всегда человек с двойным дном. А олигарх никакого двойного дна не имеет.

— Но вас же тоже приглашают на такие вечеринки.

— Да, меня приглашают. И часто это бывают приличные люди. Но бывают те, которые говорят: “Ну дайте нам что-нибудь попроще, Михаил. Что-нибудь из старого почитайте”. Когда мне говорят: “Я люблю раннего Жванецкого” — а так говорят многие, даже большинство, — это...

— Обидно?

— Конечно. Потому что я люблю позднего. Я же меняюсь. Ведь время меняется, строй меняется, а ты шутишь так же. Да это же сумасшедший дом. Ты сам другой, время другое, и ты видишь торжество глупости — какой тут смех. Это трагичная ситуация. А раньше я действительно наговорил много полезного.

— Помните фразу, что революцию делают романтики, продолжают — циники, а пользуются ею негодяи? А вы сам романтик, или есть в вас что-то циническое?

— Нет, по характеру я остался таким, каким и был, то есть романтиком. Когда я сразу вцепился в новую жизнь, мне нравилось все. Какие попытки, кого разоблачать? Что, Ельцина? Гайдара? Да за что? Человек мужественный как никто сломал старое. Сейчас говорят, что знал, представлял, что он будет врагом всего живого на земле. Но сломал, и мы пришли в другую жизнь. Мне это все нравилось, но я не ожидал, что хлынет поток мутной гадости. И в то же время ощущение, что жизнь все равно стала лучше. А то, что многие стали жить хуже, — это не вина жизни, это значит — либо мы не можем приспособиться, либо не можем объяснить страдающим людям. Либо они должны страдать. Либо надо объяснить, что они не умеют приспособиться к этой жизни. Когда-то я писал: стоят сверху цивилизованные люди и наблюдают, как наша баржа бьется о камни. Кричат “левее, правее”, а мы все бьемся об этот мыс, пока, наверное, сами не выгребем.

— Вы говорите, что эти люди не приспособились, то есть вы их отделяете от себя, типа, сами приспособились, считаете себя успешным, а им что, пропадать?

— Одна умная женщина мне говорила: “Миша, ты же умнее многих”. Но я в это никогда не верил, я не считаю себя умнее. Но я должен подняться над чем-то, я не могу вместе. Даже гребя со всеми, я должен подняться хотя бы умственно. Конечно, у меня есть и машина, и мобильный телефон. Но сейчас это уже есть у миллионов. У меня есть дом, а у других есть квартира. Ну куда меня могло выбросить из этой жизни? Но что такое можно купить, чтобы жить по-другому в этой стране?

— Вот вы говорите, что иногда не брезгуете выступать на закрытых вечеринках у всяких денежных товарищей...

— Во-первых, это бывает не так часто. Я радуюсь таким приглашениям. Там собираются люди молодые, плоские, красивые. Но они очень разные. Почему-то чаще всего меня туда зовут электронщики, программисты. То они там снимают какой-то пароход, и я вдруг встречаю “Машину времени”. Мы вместе плывем на прекрасном пароходке, там идет банкет. И мало того, что мы вместе выступаем, мы еще ночуем с “Машиной времени”. Мало того, мы еще с очень хорошими ребятами встречаемся на концерте, а потом за ужином и за завтраком. Просто сказочное приглашение! Бывают и такие. Но чаще всего у меня обычные городские концерты, куда приходят зрители.

— У того же Макаревича, с которым вы вместе плавали на пароходке, есть песня “Меня заказали”, где он поет о том, что ему приходится выступать перед пьющими и едящими людьми. Вам тоже?

— Я и в советское время так выступал.

— Я слышал, что вы даже в бане выступали перед партийными боссами со своим любимым портфельчиком.

— В бане выступал, в запасниках где-то, в красных уголках. И в обеденный перерыв у какого-то крупного министра тоже читал. Его референты — хорошие ребята — подстраивали этому министру мое выступление.

Он долго цокал языком, спрашивал их: “Он не антисоветчик?” Они говорили: “Нет. Вы просто посмеетесь и тут же обратно”. А мне нужно было поставить телефон маме. Я зарабатывал всегда, как говорится, физическим трудом. Зато мама была с телефоном в Одессе. А что касается бани, то и там тоже приходили люди подписывать бумаги. Для этого надо было раздеться, забежать и, чтобы ничего не размокло, дать туда на верхнюю полку, чтобы там тебе подписали. Но там, в бане, меня спрашивали: “Миша, а ты портфель взял?” Я говорил: “Да, портфель есть”. И этим я держался на поверхности и держал Карцева и Ильченко и еще театр “Эрмитаж”. Когда этим чиновникам надо было идти и принимать наш спектакль, который они уже слышали и говорили: “А, это я уже знаю, ну ничего”. Вот так мы и крутились. Я уж не говорю, как крутился Владимир Семенович Высоцкий. Я не сравниваю себя с ним, просто, к примеру, его пленки были у всех шоферов, а они всовывали эти кассеты своим начальникам. Таким образом, он был целым, хотя его и не публиковали. Это было сочетание испуга и сплоченности. Самое большое осложнение было, когда мы выступали в “почтовых ящиках”. Это были образованнейшие люди, в основном евреи, которые клепали нашу бомбу в ответ на американскую бомбу, которую клепали американские евреи. И вот там, если бы я даже хотел сказать какую-то пошлость, некому было бы ее говорить.

— Получается, вам приходилось идти на унижение ради хоть какого-то благополучия?

— Ну, мне же нужно было поставить маме телефон. Она была больна. Для этого я выступал у заместителя председателя Совета министров дома, читал что-то. А он во время моего чтения ушел спать. Но телефон был поставлен. Там я встретил тогда Евтушенко, чемпиона мира по шахматам Карпова, встретил дочку Брежнева, ее мужа-красавца Чурбанова.

— Вы назвали хорошую компанию уважаемых, но все же довольно компромиссных людей. Вы были среди них своим?

— Своим я не был. Я же еврей, хотя Евтушенко был для меня чуть больше своим. Но для власти был своим и Булат Шалвович Окуджава, потому что его все-таки выпускали за границу. Меня не выпускали. Владимира Семеновича Высоцкого выпускали. Но диссидентом меня никто не считал, только сатириком. Но как-то получается так, что люди помнят многое из того, что я читал. Я нелегально читал то, что пишу. В России народ и власть всегда едины. Вы работаете в такой газете, а я в такой стране. Будем оправдываться или пойдем дальше? Значит, я не проиграл то время. Я запомнился чем-то. Я не властитель дум, но разошелся на цитаты.

— Вы чувствуете, когда приходите в какую-то компанию, что от вас ждут этих цитат, чтобы вы все время что-то выдавали? Мне кажется, тяжело так жить.

— Тяжело. Поэтому я замыкаюсь в себе. Только когда выпью, становлюсь разговорчивым. Еще в советское время я понял, что и я, и все остальные становимся нормальными чуть выпивши. Ты каким-то образом переходил эту грань и начинал думать о себе неплохо. Мы же всегда ходили униженными. Я же все время говорил, что человек только выпивши спрашивает: “Ты меня уважаешь?” Потому что он требует к себе уважения. “Ты меня уважаешь” — ключевая фраза всех вокзальных фуршетов за киоском в подъезде. Но в компании я сажу довольно унылый.

— Вы выступали где-то на Рублевке у богатых слушателей и сказали, что не любите бедных. Вы хорошо подставились.

— Да, у меня был платный концерт на Рублевке, и один телеканал это подслушал. Я уже столько проклятий получил! Но я в этой фразе не сомневаюсь. Эта фраза ироническая. Кто-то говорит: я не люблю евреев. Но ты же не можешь сказать, чтобы их не было. А когда я говорю, что не люблю бедных, я говорю, чтобы их не было. Кто-то принял это на свой счет, не почувствовав иронии. А там есть ирония. Я хочу, чтобы бедных не было, а воспеть бедность больше не хочу. Это можно было сделать только в советское время. Очень часто приходится шутки объяснять, особенно женщинам. Для них просто хочется повесить на руку табличку: “Я шучу”.

— Но согласитесь, что шутки о бедных в нашей стране опасны, тем более они держат вас за своего парня.

— Я готов извиниться за эту фразу через вашу уважаемую газету. Сказав это, я действительно не рассчитывал на такую широкую аудиторию. Когда ты выступаешь в этом жанре, то время от времени получаешь под зад. А перейти в другой жанр уже поздно. И обойти все подводные камни невозможно, как и объяснять всем, что ты хочешь сказать. Поэтому, несмотря на такие проклятья, я пребываю в хорошем настроении. К ним я уже привык. Вот сегодня в одной популярной газете прочитал, что я в деревне Бутырки купил землю под ипподром. И сейчас скупаю чистокровных лошадей.

— Это же слава, Михал Михалыч!

— Да, это слава. Но, к сожалению, я даже не знаю, где находится деревня Бутырки.

— В одной газете были опубликованы мемуары Кобзона, и он не забыл и вас помянуть ласковым словом. В частности, написал, что у вас две семьи: одна здесь, другая — в Америке.

— Я этого не читал, но мне рассказали содержание. Без всякой вражды и злости я считаю, что этот вопрос должен быть адресован непосредственно к Иосифу Давыдовичу. Я уже все о своих семьях рассказал, тысячи раз шутил по поводу детей. Вплоть до того, что меня давно уже в какой-то стране нет, а там говорят, что у меня что-то родилось. Допустим, в Австралии я не был уже лет 15, а мне говорят, что там у меня ребенок родился.

— Михал Михалыч, сколько у вас детей?

— Пять или шесть. Но все уже разбежались.

— Да вы просто как лейтенант Шмидт.

— Но тогда были женщины на редкость мужественные и красивые. Они говорили: “Миша, это мое”. Сейчас я разыскиваю таких женщин и не могу найти, народ эмигрировал. Я получаю какие-то сигналы, что что-то произошло, кто-то у меня родился. Я вспоминаю и думаю: да, вполне возможно.

— Но вы знаете всех своих детей?

— О многих догадываюсь. Но я не хочу делать никого несчастным. Мы прекрасно живем с моей женой. И она все это знает. Она поступила ко мне уже после всех романов, после всей моей бурной жизни в общежитиях, в гостиницах... Я же был холостой, с гастролями, с поездками. И с тем, что я всегда был мальчиком с юмором. Честное слово, глубоко уважаю этих женщин. Ведь речь тогда шла не о деньгах. Они говорили: “Ты только не волнуйся, не переживай. Я решу эту проблему. Я беру на себя”. И сейчас до сих пор ни одного сигнала, ничего нет.

— Ну а вы встречались с кем-то из своих неизвестных вам детей?

— Да, было. Ахал. Видел человека, который видел меня. Я видел его. Мы улыбнулись друг другу. Может быть, он мой сын. Может быть. Но мы не хотели причинять друг другу боль, и я просто спросил его: как себя чувствует мама, которую я назвал по имени. Он сказал: хорошо. На вопрос одной радиостанции для женщин: “От кого бы вы хотели иметь детей?” — большинство сказал, что от меня. Женщины — люди практичные. Они вполне понимают, что страстно любить можно одного, а ребенка можно иметь от кого-то другого. Они сами выбирают.

— Получается, что если женщины вас выбирают за ум, то ум есть понятие сексуальное?

— Да, женщина выбирает ребенка по отцу. Вот смотрит на отца и видит сына.

— На сколько вы старше своей жены?

— Мне не хочется говорить про это. Может быть, жена не разрешила бы мне ответить на этот вопрос. Моя жена не любит тусовки, не любит фотографов в доме. Я ее люблю за это. У нас с ней прекрасное содружество, и мы помогаем друг другу. Она мне привозит случаи, всякие смешные эпизоды. Оценивает то, что я написал.

— Вы как-то сказали про себя, что ушли из большого секса.

— Да, ушел. Со страстным, большим, потрясающим сексом с завываниями, криками и падениями с кровати, биениями головой о радиатор, с проливанием борща на спину, горячего чайника со стола. Ушел. Тренерская работа моя заключалась в том, что я это стал описывать и моим опытом могли воспользоваться другие люди. Я очень люблю и чувствую женщин.

— Вы нашли свое место в этой жизни?

— Да, это место портовика. Я всегда при деле. Когда страна бедная, она закупает товары. Мы перегружаем из пароходов в вагоны. Я при работе. Когда страна богатая — она продает товары, и мы погружаем из вагонов в пароходы. И я опять при работе. Получается идеальное попадание. Ведь все мои друзья, окончившие

портовый институт, всегда заняты и востребованы. Вот такой я востребованный человек. А это счастье огромное.

Автор: Александр Мельман © Московский комсомолец КУЛЬТУРА, МИР 👁 6330 16.02.2007, 14:10 📄 171
URL: <https://babr24.com/?ADE=36053> Bytes: 15487 / 15473 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)